

**ПРАКТИКИ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА
СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
(вторая половина 1940-х — 1950-е)**

В статье исследуется практика использования труда спецпереселенцев-калмыков на конкретных предприятиях Северо-Западной Сибири. Автор показывает, что во время нахождения на спецпоселении калмыки спецпереселенцы на основании подзаконных актов и инструкций подвергались различным формам трудовой дискриминации.

Ключевые слова: принудительный труд, спецпереселенцы, калмыки, депортация, репрессии.

A.S. IVANOV

**THE PRACTICE OF FORCED LABOUR OF SETTLERS
(the second half of the 1940s — 1950s)**

This article explores the practice of employing special immigrants-Kalmyks on specific enterprises of the North-Western Siberia. The author shows that while on the banishment Kalmyks special settlers on the basis of regulations and instructions were subjected to various forms of employment discrimination.

Keywords: forced labor, specialsettlers, Kalmyks, deportation, repression.

Благодаря современным академическим исследованиям был вскрыт ряд дискриминационных практик применявшихся к спецпереселенцам-«бывшим кулакам» на протяжении 1930-х гг. [13, с. 16–75; 14, с. 160–196]. Эти работы, казалось бы, полностью снимают вопрос о принудительном характере «общественно полезного» труда спецпереселенцев. Однако опора на законодательные акты советского правительства приводит, в частности, Л.П. Белковец к мысли о том, что представители находящихся под надзором комендатур «переселенных народов... пользовались, как и все остальные советские граждане в условиях военного времени правом на труд, вознаграждение за него в соответствии с объемом затраченных усилий...» [3, с. 111]. Это мнение подтверждается строками из действовавшего до 8 января 1945 г. «Временного положения о правах и обязанностях спецпереселенцев» (от 25 октября 1931 г.), где указывалось, что «все спецпереселенцы и их семьи, занятые на любой работе, в вопросах оплаты их труда и снабжения продовольствием и товарами приравняются к вольнонаемным рабочим. Все работающие по найму получают на руки расчетные книжки, куда записываются их заработки». С удержанием с заработка расходов на «административное обслуживание» [5, с. 537].

Чтобы разрешить существующее противоречие представляется необходимым обратиться к анализу трудовых отношений, которые существовали на предприятиях Северо-Западной Сибири (Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов) в военный и послевоенный период. Выявить особенности кадровой политики в отношении спецпереселенцев мы попытаемся на примере депортированных на Север весной-осенью 1944 г. 7,5 тыс. калмыков.

«Разъяснение» начальника секретно-мобилизационного отдела треста «Тюменьлес» Кривополеновой показывает, что спецпереселенцы на предприятиях треста до начала 1945 г. фактически не были включены в существующую систему государственного социального страхования: случаи производственного травматизма не оформлялись, выплат по нетрудоспособности репрессированные не получали [10, д. 45, л. 28]. Поэтому в постановлении СНК от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» потребовалось вновь подтвердить трудовое «равноправие», провозгласить, что «спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР...», а за «нарушение трудовой дисциплины спецпереселенцы привлекаются к ответственности в соответствии с существующими законами» [15, с. 125–126].

Постановлением СНК СССР от 24 августа 1944 г. с 1 сентября 1944 г. были отменены 5%-ные отчисления с заработка спецпереселенцев и дальнейшее заключение договоров, что освободило органы НКВД от работы по заключению договоров и контролю за их исполнением [20, с. 208]. До отдаленных районов Северо-Западной Сибири распоряжение центра дошло с опозданием. По указанию Ханты-Мансийского окружного отдела НКВД пятипроцентные отчисления были отменены с 1 декабря 1944 г. [11, д. 40, л. 34]. Фактически же постановление от 24 августа 1944 г. в части заключения договоров о трудоустройстве узаконило существующую к моменту прибытия калмыков на поселение практику. Уже в отношении спецпереселенцев, депортированных на территорию северных округов Омской области в 1942 г., подобных договоров не заключалось. Директора предприятий руководствовались указаниями управляющего рыбтреста, которые гласили, что «...весь контингент, завезенный Вам в порядке переселения, поступает в полное распоряжение завода (комбината) и должен быть использован в первую очередь на лове и, во вторую очередь, на всех остальных работах, связанных с рыбной промышленностью, в основном на обработке рыбы» [12, д. 10, л. 110].

Параллельно продолжал действовать второй пункт «Временного положения...» согласно которому «выбор места и характера работы для спецпереселенцев является правом органов...» ОГПУ/ НКВД/ МВД «...управляющих спецпереселенцами» [5, с. 537], позволявший по «оперативной необходимости» снимать с работы целые группы спецпереселенцев и порождавший периодические конфликты меж-

ду надзорным ведомством и производственными организациями [6, с. 182, 224–225; 11, д. 42. л. 5]. В этой ситуации не было и речи об индивидуальных трудовых договорах для спецпереселенцев.

Кроме того, на основании ведомственных инструкций был ограничен спектр работ, до которых допускались спецпереселенцы. Директивой руководства НКВД и НКГБ от 18 октября 1944 г. «о возможности использования спецпереселенцев на работах в промышленных предприятиях» запрещалось допускать к производству лиц, «разрабатываемых» спецслужбами по подозрению в принадлежности к «антисоветским группам», а при их выявлении на предприятиях, немедленно удалять и арестовывать [8, д. 172, л. 113]. Вместе с тем разъяснялось, что «спецпереселенцы в промышленных предприятиях, в том числе на заводах оборонной промышленности, как правило, могут быть использованы на строительных и подсобных работах. Разрешается также использование спецпереселенцев в механических цехах предприятий (за исключением взрывоопасных), решая вопрос об их допуске в каждом отдельном случае, исходя из местных условий и обеспечивая за ними тщательное агентурное наблюдение» [8, д. 172, л. 113]. Так обеспечивалось очищение производства от «антисоветских элементов».

В воспоминаниях калмыков мы можем прочесть о порожденной таким положением дискриминации. Оказавшийся в 1944 г. в Салехарде на консервном комбинате Юрий Салтыкович Болдырев вспоминал: «Все вольнонаемные работники, кроме двухсотпроцентной оплаты по ставке или за выполненную работу, получали еще и различные надбавки, которые предусматривались соответствующим положением и оговаривались договором. Что же касается нас, калмыков, то мы не были заведенными по договору. И никаких процентов и надбавок нам не платили... Вот и получалось, что за одинаковый труд калмыки получали гораздо меньшую плату» [4, с. 183]. В этническом сознании «наказанных народов» подобная практика воспринималась как ущемление в правах по национальному признаку.

В действительности это была отработанная режимом на ссыльных крестьянах практика. Еще в 1939 г. прокурор СССР А.Я. Вышинский указал, что спецпереселенцы, «как не прибывшие на Крайний Север в порядке перевода или найма из других местностей, а также как не прибывшие на Крайний Север по собственной инициативе, льготами не пользуются» [18, с. 188]. В результате на спецпереселенцев-калмыков, проживающих в северных округах Тюменской области, не было распространено действие Постановления СНК СССР от 18 ноября 1945 г. «О перечне отдаленных местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие Указа Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР от 1 августа 1945 г. «О льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера», куда вошли Югра и Ямал [19, с. 150–151], и самого

Указа ПВС, со следующими изъятиями: а) лицам, работающим в местностях, выплачивается 10-процентная надбавка к ставкам (окладам) по истечении каждого года работы (при этом общий размер надбавок не должен был превышать 100% тарифной ставки (оклада)); б) отпуска сверх установленных действующим законодательством предоставляются работникам с нормированным рабочим днем продолжительностью 12 рабочих дней, а работникам с ненормированным рабочим днем продолжительностью 24 рабочих дня за год работы [19, с. 149–150].

Показательна ситуация с отпусками. Первый очередной отпуск (отпуска были восстановлены Указом ПВС от 30 июня 1945 г.) [17, с. 393] в две недели был предоставлен группе работников (в т.ч. спецпереселенцев-калмыков), занятых на строительстве стеклозавода в с. Березово Ханты-Мансийского округа 14 декабря 1945 г. [1, д. 15, л. 385 об]. На строящемся стеклозаводе две недели (12 рабочих дней) — это был «основной» отпуск, предоставляемый всем работникам предприятий [19, с. 195–202], вторая (дополнительная) часть отпуска предоставлялась лицам, с которыми был заключен индивидуальный трудовой договор, и, соответственно, была недоступна спецпереселенцам-калмыкам [1, д. 25, л. 257].

В результате было восстановлено действие закона от 7 марта 1933 г., в соответствии с которым спецпереселенцы (тогда речь шла о ссыльных крестьянах) имели право только на «основной» отпуск (без права выезда) и лишались возможности получения дополнительного отпуска и его увеличения, так как передавались хозяйственным организациям не в соответствии с индивидуальным трудовым договором, а по договорам, заключаемым между ОТСП ГУЛАГа НКВД и хозяйственным ведомством [14, с. 188].

Расшифровка затрат по балансу Кушеватского рыбозавода за 1947 г. показывает, что калмыки наравне с другими работниками получали отпускные выплаты, однако среди трудящихся они были наиболее скромными: двоим из трех отпускников надлежало выплатить по 120 р. отпускных на 12 дней отпуска, а третьему — 144 р. ввиду более высокой должности. Этот документ указывает на то, что как отпуск, так и отпускные выплачивались без надбавок, по ставкам занимаемых должностей [2, д. Годовой отчет Кушеватского рыбозавода за 1947 г., л. 158].

Выплачивались командировочные, размер которых был также невелик. Одному из калмыков полагалось выплатить 11 р. 97 к. [2, д. Годовой отчет Кушеватского рыбозавода за 1947 г., л. 164]. Малый объем выплат в данном случае может свидетельствовать скорее о краткосрочности командировок и существовании ограничений в перемещении командировочных из числа спецпереселенцев, нежели об ущемлении их прав по этому виду выплат.

Нарушением трудового законодательства была невыдача спецпереселенцам после зачисления в штат предприятия трудовых книжек, кото-

рые они должны были получать на общих основаниях [18, с. 39]. Содержание трудовых книжек калмыков-работников Сургутского рыбозавода показывает, что они оформлялись «задним числом» без указания номера приказа «о приеме на работу», сведения о приеме не заверялись печатью организации, иногда указывался только год приема на работу [21]. Как показывает «акт на передачу не выданных трудовых книжек» Кушеватского рыбзавода, это было распространенным нарушением прав рабочих рыбной промышленности в целом [2, д. Годовой отчет Кушеватского рыбозавода за 1950 г., л. 293].

С принятием 5 июля 1954 г. Постановления Совета Министров «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» [16, с. 158-159] калмыкам было разрешено перемещение и, соответственно, труд в пределах областей проживания [8, д. 542, л. 129]. Калмыков также стали принимать в члены профсоюзов (до этого, в соответствии с «разъяснением» ВЦСПС 1937 г., такого права спецпереселенцы не имели [14, с. 187]), однако на выборные (руководящие) должности их, как признал в сентябре 1955 г. Ямало-Ненецкий окружком партии, не выдвигали, а передовиков не представляли к поощрениям и наградам [7, д. 791, л. 9].

11 февраля 1956 г. (за месяц до снятия с калмыков ограничений по спецпоселению) руководство МВД СССР признало ненормальным тот факт, что в «...Тюменской области руководители предприятий рыбной промышленности, расположенных за полярным кругом, рассматривают работающих там спецпоселенцев как местных жителей, в связи с чем льготы на работу на Дальнем Севере на них не распространены...» [9, д. 925, л. 342].

Положение репрессированных начало меняться. На Березовском (в 1956–1958 гг. — Усть-Сосьвинском) рыбкомбинате, незадолго до снятия калмыков со спецпоселения, дирекция начала заключать со спецпереселенцами индивидуальные трудовые договоры. Первое двустороннее соглашение было заключено 1 марта 1956 г. с рабочим Полноватского рыбучастка Кукеевым [1, д. 25, л. 232]. В массовом порядке трудовые договоры стали заключаться уже после снятия (17 марта 1956 г. [8, д. 567, л. 297–297 об.]) ограничений по спецпоселению. А спустя год работы калмыки в марте-апреле 1957 г. получали первую «северную» надбавку [1, д. 25, л. 231–232].

Поспешность, с которой руководство предприятия принялось заключать трудовые соглашения, легко объяснима. Калмыки, несмотря на снятие со спецпоселения, не получали права выезда до 25 января 1957 г. [8, д. 580, л. 126 об.]. Это было время, когда бывшие спецпереселенцы находились в «подвешенном» положении: не могли уехать, но могли уволиться не только по медицинской справке [1, д. 24, л. 297] или распоряжению спецкомендатуры [1, д. 16, л. 51 об.], но и «по собствен-

ному желанию» [1, д. 25, л. 128]. Поэтому отдел кадров рыбокомбината в начале апреля 1956 г. приступил к организованному заключению индивидуальных трудовых договоров [1, д. 25, л. 232-235].

Договор заключался на три года «с выплатой единовременного пособия в размере 600 рублей» [1, д. 24, л. 281]. В этом заключалась своеобразная ловушка, так как человек, разорвавший по собственному желанию такое трудовое соглашение, увольнялся «со взысканием с него неотработанной части денежного вознаграждения, полученного по трудовому договору» [1, д. 25, л. 138], что превращало калмыков в должников предприятия и, в конечном счете, вынудило часть спецпереселенцев задержаться на сибирской земле.

Только с момента снятия ограничений по спецпоселению калмыки в области трудовых отношений на предприятии получили равные права с остальными рабочими. Здесь можно привести характерный пример: 26 марта 1956 г., через девять дней после снятия со спецучета, калмыку Насунову, дизелисту электростанции рыбокомбината, был предоставлен «отпуск за проработанное время с 13 июля 1953 г. по 13 июля 1955 г. всего 54 рабочих дня в том числе: основных 24 рабочих дня. За работу моториста во флоте за 12 месяцев — 12 дней, за вредность — 12 дней и за выслугу лет во флоте — 6 рабочих дней» [1, д. 24, л. 278]. В то время как, находясь на спецучете, он мог рассчитывать только на 12 «основных» дней, о чем говорит практика предоставления отпусков буквально за считанные дни до снятия ограничений по спецпоселению [1, д. 24, л. 280].

Этот пример не единичен. По отношению к другим бывшим спецпереселенцам у руководства предприятия тоже вдруг «проснулась совесть», и они стали получать все положенные им по закону надбавки: «северные», выплаты за вредность, ненормированный труд и выслугу лет во флоте [1, д. 25, л. 228]. Калмыкам стали предоставлять «отгулы за проработанные выходные дни и переработку в период навигации...» [1, д. 25, л. 231].

В конце 1956 г. мы встречаем первое упоминание о калмыке-руководителе профсоюзной ячейки на рыбучастке Кушеватского рыбзавода, что может говорить о полномправном участии бывших спецпереселенцев в деятельности профсоюзов [2, д. Годовой отчет Кушеватского рыбзавода за 1956 г., л. 201].

Комиссии по трудовым спорам стали рассматривать обращения калмыков. В марте 1957 г., на основании решения этой комиссии, рабочей-калмычке впервые была выплачена компенсация «за полагавшийся отпуск за проработанное время с 01.01.1955 г. по 01.01.1956 г.», т.е. за год, проработанный без отпуска на поселении [1, д. 25, л. 239]. В условиях сохранения режимных ограничений такое решение было практически исключено.

После увольнения (в июне 1958 г. одновременно были уволены 72 рабочих-калмыка) и массового отъезда калмыков предприятие вынуж-

дено было искать им замену [1, д. 24, л. 132]. На смену им пришли вербованные рабочие из различных областей РСФСР, и, как это не странно, вернулись и некоторые бывшие спецпереселенцы, незадолго до этого покинувшие Сибирь. Так, по вызову рыбокомбината в сентябре 1958 г. в качестве вербованных в р.п. Березово прибыли два калмыка. Им, на основании ст. 82 КЗОТ, был оплачен проезд от места жительства (села, откуда они были депортированы) до р.п. Березово (места бывшего спецпоселения), единовременное пособие («подъемные») и суточные [1, д. 26, л. 61].

Обращение к практике использования труда калмыков на конкретных предприятиях показывает, что во время нахождения на спецучете работники предприятий — спецпереселенцы-калмыки, на основании подзаконных актов и ведомственных инструкций, были лишены надбавок и льгот, полагавшихся работникам из числа «правового» населения. Только после отмены режима комендантуры калмыки были уравнены в правах с работниками, не подвергавшимися репрессии.

Наши выводы относительно калмыков — работников предприятий Северо-Западной Сибири, по всей видимости, можно с поправкой на трудовые условия той или иной отрасли промышленности распространить и на положение спецпереселенцев-калмыков в других производственных коллективах. К примеру, в соответствии с директивой МВД СССР № 1259, разосланной в ноябре 1951 г. начальникам управлений МВД СССР и начальникам строителств МВД СССР в связи с освобождением со спецпоселения лиц, «служивших в немецкой армии, в специальных и прочих немецких формированиях», бывшим спецпоселенцам предполагалось разъяснить, что, «если они пожелают закрепиться в постоянных кадрах предприятий и строителств МВД, на них будут распространены льготы и преимущества, установленные для рабочих и служащих соответствующих предприятий...» [8, д. 442, л. 91].

На основании вышеизложенного можно выделить ряд признаков, которые указывают на принудительный характер труда спецпереселенцев:

- невозможность выбора и смены места работы без санкции органов НКВД/МВД;
- систематическая дискриминация в трудовых отношениях, прежде всего в вопросах оплаты труда;
- режимный статус, который делал спецпереселенцев уязвимыми для произвола со стороны руководителей организаций.

Список использованной литературы и источников

1. Архивный отдел администрации Березовского района. — Ф. 3л. — Оп. 2.
2. Архивный отдел администрации Шурышкарского района. — Ф. 31. — Оп. 1.
3. Белковец Л. П. Правовые аспекты национальной политики СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие / Л. П. Белковец // Государство и право. — 2006. — № 5. — С. 106–111.

4. Болдырев Ю. С. *Добрые люди не забываются* / Ю. С. Болдырев // *Боль памяти* / сост. П. О. Годаев. — Элиста : АПП Джангар, 1999. — 352 с. — С. 183–188.
5. *Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселкой администрации в районах расселения спецпереселенцев* // Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. — Кн. 2 / Отв. ред. Н. Н. Покровский, В. П. Данилов, С. А. Красильников, Л. Виола. — М. : РОССПЭН, 2006. — 1120 с.
6. Гончаров Г. А. *Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны* : дис. ... д-ра ист. наук. : 07.00.07 / Г. А. Гончаров. — Челябинск, 2006. — 438 с.
7. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). — Ф. 135. — Оп. 1.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 9401. — Оп. 1а.
9. ГАРФ. — Ф. 9479. — Оп. 1.
10. Государственный архив в г. Тобольске. — Ф. 855. — Оп. 2.
11. Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа (ГАХМАО). — Ф. 58. — Оп. 4.
12. ГАХМАО. — Ф. 118. — Оп. 2.
13. Земсков В. Н. *Спецпоселенцы в СССР 1930–1960 гг.* / В. Н. Земсков. — М. : Наука, 2005. — 306 с.
14. Красильников С. А. *Ссылные крестьяне* / С. А. Красильников // *Маргиналы в советском социуме. 1930-е — середина 1950-х гг.* — Новосибирск : Сова, 2010. — 450 с.
15. *Постановление СНК № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» // 1940–1950-е годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР)* // *История СССР*. — 1992. — № 1. — С. 125–126.
16. *Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и др.: материалы: в 3 т.* — Т. 1. Март 1953 — февраль 1956 / сост. А. Н. Артизов, Ю. В. Сергачев, В. Г. Хлопов, И. Н. Шевчук. — М. : МФД, 2000. — 503 с.
17. *Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2–3). Приказы Народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг.* — М. : ТЕРРА, 1997. — 456 с.
18. *Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг.* / сост. С. А. Красильников, Д. Н. Нохотович, Т. Н. Осташко [и др.]. — Новосибирск : ЭКОР, 1996. — 311 с.
19. *Справочник профсоюзного работника.* — М. : Профиздат, 1958. — 736 с.
20. Суслов А. Б. *Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.)* / А. Б. Суслов. — М. : РОССПЭН, 2010. — 424 с.
21. *Трудовые книжки калмыков-работников Сургутского рыбозавода. Коллекция // Прифондовые материалы «Дома краеведа» ИКЦ «Старый Сургут».*

Информация об авторе

Иванов Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарно-экономических дисциплин, Сургутский институт нефти и газа, 628418, г. Сургут, ул. Энтузиастов, 38, e-mail: 88d@bk.ru.

Author

Ivanov Alexander Sergeevich — PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Natural Science and Humanities Disciplines, Surgut Institute of Oil and Gas, 38, Entuziastov Str., 628418, Surgut, e-mail: 88d@bk.ru.